

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904(470.67)

**МУСУЛЬМАНСКИЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XIV–XV ВВ. ИЗ С. КУБАЧИ:
ОСОБЕННОСТИ ДЕКОРАТИВНОЙ ОТДЕЛКИ**

М.М. Маммаев,

доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

misrixan37@mail.ru

Аннотация: В статье освещаются вопросы декоративной отделки мусульманских надмогильных памятников XIV–XV вв. из с. Кубачи. В ней описывается техника выполнения художественной резьбы надгробий, показан переход по наследству специальности мастера-камнереза, каллиграфа и орнаменталиста; отмечается, что художественная отделка памятников выполнена местными мастерами-камнерезами при непосредственном участии приезжих или специально приглашенных мастеров из стран Ближнего Востока. Прослежена также эволюция декоративного убранства памятников от сравнительно простых декоративных арабских позднекуфических надписей с отдельными элементами растительного орнамента к сложным узорно-эпиграфическим композициям, в которых рельефные, орнаментально отделанные и каллиграфически исполненные, позднекуфические надписи даются на фоне рельефного растительного орнамента. Декоративные арабские надписи представляют собой шахада – формула единобожия: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед – посланник Аллаха»; изречения: «Смерть – чаша, каждый пьет из нее; могила – ворота, каждый входит в неё» и т.д. На отдельных надгробиях представлены такие коранические изречения: «Нет божества, кроме Аллаха, живого, сущего: не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле» (Коран, II. 256).

В статье показано, что в трактовке арабских декоративных надписей надмогильных памятников наблюдается значительное разнообразие, обусловленное как начертанием самих букв, так и их орнаментальной отделкой. Отмечено, что изречения, представленные на кубачинских надмогильных памятниках XIV–XV вв. – распространенные эпитафии на мусульманских надгробиях в широком ареале (встречаются на надгробиях из с. Калакорейш Дахадаевского района, с. Кумух Лакского района, с. Татиль Табасаранского района и т.д.), бытовавшие длительное время и ставшие как бы афоризмами.

В работе приводятся имена погребенных, высеченные на кубачинских надгробиях. Они в большинстве своем домусульманские и трудно читаются ввиду того, что в их написании во многих случаях не отмечены огласовки (диакритические знаки), обозначающие гласные звуки.

Ключевые слова: Дагестан, с. Кубачи, мусульманские надмогильные памятники XIV–XV вв., декоративная отделка, позднекуфические арабские надписи, художественная каллиграфия, растительный орнамент, эволюция декора.

M.M. Mammaev,

Doctor of Art Criticism, Chief Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

misrixan37@mail.ru

Abstract: The article covers the problems of decorative finish of Muslim gravestones of the 14th – 15th centuries in the village of Kubachi. The author of the article describes the technique of headstone carving, shows that specialties of stone-cutters, calligraphers and ornamentalists were inherited, and notes that the decorative finish of the gravestones was made by the local stone-cutters with the direct participation of the craftsmen who arrived or were specially invited from the countries of the Middle East. In the article, the evolution of decorative finish of the gravestones is traced from comparatively simple Late Cufic Arabic ornamental inscriptions with some elements of floral ornament to complex patterned and epigraphic compositions, in which Late Cufic relief, ornamentally decorated and calligraphically executed inscriptions were made against the background of the relief floral ornament. Arabic ornamental inscriptions include shahadah – monotheism formula: “There is no deity except Allah, and Muhammad is the Messenger of Allah”; sayings: “Death is a cup, everyone drinks from it; grave is a gate, everyone enters it”, etc. On some headstones there are Quranic sayings: “There is no deity except Allah, ever-living, existing: neither slumber nor sleep overtakes Him; to Him belongs whatever is in the heavens, and whatever is on the earth” (Quran, II. 256).

The author of the article notes that there is a great variety in the treatment of the Arabic ornamental inscriptions of the gravestones caused both by the forms of the letters and by their decoration. It is noted that the sayings on the gravestones of the 14th – 15th centuries in Kubachi are widespread epitaphs on Muslim headstones in a large area (they were found on headstones in the village of Kalakoreish in Dakhadaevsky District, the village of Kumukh in Lak District, the village of Tatil of Tabasaransky District, etc.), they existed for a long time and became aphorisms.

The article also contains the names of the buried people, which were carved on the headstones of the village of Kubachi. Most of them are pre-Islamic and are not readable because in many cases they have no vocalization (diacritic marks) indicating vowel sounds.

Keywords: Dagestan, village of Kubachi, Muslim gravestones of the 14th -15th centuries, decorative finish, Late Cufic Arabic inscriptions, artistic calligraphy, floral ornament, evolution of decoration.

В с. Кубачи в XIII–XV вв. были созданы выдающиеся произведения искусства резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья, оружейного дела, которые составили бесценное национальное наследие всего Дагестана и вошли в сокровищницу мировой художественной культуры. Каменные рельефы – детали архитектурного декора и литые бронзовые котлы с изобразительными сюжетами и орнаментом, вывезенные в разное время из с. Кубачи, ныне хранятся во многих отечественных и зарубежных музеях (Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Лувр в Париже, Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Галерея искусств Фрир в Вашингтоне и т.д.), а также в республиканских музеях Дагестана (ДГОМ, ДМИИ) в г. Махачкале. Небольшое количество рельефов сохранилось в с. Кубачи.

К числу выдающихся памятников камнерезного искусства, арабской и персидской эпиграфики и декоративной каллиграфии относятся и надмогильные памятники XIV–XV вв. в виде вертикально поставленных каменных плит четырехугольной или трапециевидной формы (отдельные из них имеют стрельчатый или закругленный верх), находящиеся на старых мусульманских кладбищах «Бидахъ хуппе» (кладбище на той стороне), «Цицила хуппе» (кладбище на горе Цицила), «Бахъуцила хуппе» (Бахъуцила – усеченная форма от «Багнибзиб хъу [цила]» – срединный посевной участок). В отдаленном прошлом Бахъуцила была посевным участком, превращенным позднее в кладбище. Изучены они крайне слабо. Между тем по своим художественным качествам они не уступают деталям архитектурного декора, хранящимся в отмеченных выше музеях и частично сохранившимся в с. Кубачи. Декорированы надгробия с высоким мастерством орнаментально проработанными рельефными арабскими (отдельные и персидскими) надписями (формулы единобожия – шахада «Нет божества, кроме Аллаха,

Мухаммад – посланник Аллаха»; изречения «Смерть – чаша, каждый пьет из нее. Могила – ворота, каждый входит в нее» и т.д.).

Каменные рельефы – детали архитектурного декора – к настоящему времени изучены несколько лучше, чем резные надмогильные памятники XIV–XV вв. Объясняется это тем, что исследователи, посещавшие с. Кубачи с середины XIX в. вплоть до современности, обращали внимание на архитектурные детали с изобразительными сюжетами и орнаментом, а также арабскими надписями – то, что бросалось в первую очередь в глаза из кубачинских древностей. А надмогильные памятники оставались вне поля их зрения. Кроме того, изучать надмогильные памятники, работая на средневековых кладбищах, находящихся в 1–1,5 км от селения на сильно пересеченных местностях, заросших лесом и кустарником (в основном шиповником), – дело сложное, трудное. Тени деревьев и кустов не дают возможности фотографировать памятники нужным образом. Рубить деревья и кусты на кладбищах, чтобы сфотографировать надгробия или для других целей, кроме для использования их в строительстве или ремонте мечетей и медресе, по шариату не допускается. А снимать эстампажные отпечатки – точно копировать декоративные арабские или персидские надписи и орнамент – занятие долгое и трудное, и не каждому это под силу. Для этого нужно знать арабскую графику и правила построения орнаментальных композиций.

Еще одно обстоятельство, затрудняющее изучение резных надмогильных памятников, – это погодные условия в с. Кубачи, где даже летом часто бывают туманы, морозящие длительные осадки, холод, грязь и слякоть. В этих условиях приезжему исследователю нужно бывает значительное время оставаться в с. Кубачи, пока установится ясная погода. А долго пребывать в селении не каждому приезжему исследователю представляется возможным из-за ограниченности срока командировки.

Сохранность кубачинских памятников разная. Среди них имеются относительно хорошо сохранившиеся, но таких мало. Большинство же находятся в неудовлетворительном состоянии: заросли лишайником, отдельные детали декора отслоились, графические надписи с именами погребенных в значительной степени выветрились, части самих памятников в разных местах отломались и утрачены. Многие надгробия поломались у их основания (низа) и упали, а большинство из них ушло в землю. Немалое количество памятников поломалось и в их средней или верхней частях. Найти упавшие верхние части таких памятников оказалось не всегда возможным – они тоже ушли в землю или их переместили со своих первоначальных мест жители с. Кубачи.

Получить качественные фотографии надгробий, заросших лишайником, даже после их расчистки, оказалось невозможным, так как надписи и орнамент четко не различались, а снимки получались с пятнами от следов лишайника. Поэтому с декора большинства надгробий пришлось снимать эстампажные отпечатки. С декора и тех надгробий, которые частично выступали из земли и были откопаны и расчищены, тоже были сняты эстампажные отпечатки. Затем отпечатки копировались на ватман, выполнялись в туше и фотографировались.

Данная статья посвящена общему анализу художественной отделки декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом мусульманских надмогильных памятников XIV–XV вв. из с. Кубачи. В необходимых случаях в сравнительном плане рассматриваются памятники с. Ашты, а также ныне необитаемых селений ДацІамаже и Калакорейш – первоначальной столицы Кайтагского уцмийства (ханства).

Декоративная отделка надмогильных памятников XIV–XV вв. из с. Кубачи отличается значительным разнообразием, что объясняется их хронологической разновременностью, а также тем, что они изготовлены мастерами-камнерезами разной степени квалификации. Мы в своих работах, особенно в монографии «Искусство Зирихгерана–Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада», отмечали, что в с. Кубачи в XIII–XV вв. работали наряду с местными приезжие или специально приглашенные из ближневосточных стран мастера [11, с.167]. На протяжении многих веков, вплоть до современности, в Кубачи трудились приезжие или приглашенные со стороны строители, резчики по камню и дереву, каллиграфы и т.д., чье мастерство оказывало определенное влияние на технику и стиль резьбы по камню и дереву местных мастеров. О том, что в XIII–XV вв. в с. Кубачи (Зирихгеране) работали приезжие мастера – строители, резчики по камню и дереву, бронзолитейщики, каллиграфы и другие, свидетельствует сообщение известного арабского географа и космографа Закарийи ал-Казвини (1203–1283). Он писал, что зирихгеранцы «любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в

науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло» [13, с. 333]. Эти же сведения приводит и азербайджанский ученый-географ второй половины XIV– начала XV в. Абд ар-Рашид ал-Бакуви [4, с. 33–40] в своем сочинении «Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего» («Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар»), где он пишет о том, что зирихгеранцы любят чужестранцев, знающих какую-либо науку или каллиграфию [1, с. 106–107].

Среди приезжих или приглашенных в Кубачи были мастера художественной резьбы по камню, которые занимались вместе с местными мастерами декоративной отделкой как архитектурных деталей, так и надмогильных памятников. Резьба выполнялась, как правило, по предварительно намеченному рисунку. Следы таких предварительно намеченных рисунков железным или стальным инструментом с острым рабочим концом прослеживаются на многих надмогильных памятниках и на отдельных каменных деталях архитектурного декора.

Среди мастеров-камнерезов, каллиграфов и орнаменталистов-декораторов были, надо полагать, и такие, которые сами высекали на камнях сюжетные или узорно-эпиграфические композиции. Резьбу каменных архитектурных деталей с декоративными арабскими надписями и надгробий с узорно-эпиграфическими композициями выполняли, вероятно, одни и те же мастера. Можно предположить, что были и такие мастера, которые специализировались на художественной отделке надгробий. Иначе говоря, выполнение работ, связанных с декоративной эпиграфикой, т.е. художественной арабской каллиграфией надмогильных памятников, а также деталей архитектурного убранства, было их основным занятием.

Каллиграфы являлись одновременно и орнаменталистами. Об этом свидетельствует то, что буквы декоративных арабских надписей отделаны орнаментом (рис. 4–7). А сами надписи на надгробиях конца XIV и XV вв. выполнены на фоне рельефного растительного орнамента. Рельефные и графические арабские надписи наносились на памятники от руки. При этом использовались простейшие инструменты: специально заточенные железные и стальные резцы, молоток, возможно, циркуль и линейка. Сама резьба могла выполняться и другим мастером-резчиком по камню по намеченному рисунку. Но были мастера-универсалы, как уже было сказано, которые сами выполняли всю работу по художественной отделке надмогильных памятников.

Ремесло каллиграфа, орнаменталиста и камнереза передавалось по наследству. Эти специальности, особенно художественная каллиграфия, требовали хорошего знания арабского языка и длительной профессиональной выучки.

Можно с полным основанием считать, что обучение художественному письму будущих декораторов надмогильных памятников и деталей архитектурного декора осуществлялось по той же системе, что и обучение мастерству письма для рукописных книг. Касаясь системы обучения мастерству каллиграфии на Востоке, О.Ф. Акимушкин пишет, что «при обучении письму традиционно обращались к двум системам упражнений: қаламй и назарй. Қаламй – это многократное копирование образцов почерка (зачастую одного и того же образца) известных мастеров с целью выработки у ученика твердой и верной руки, терпения и усидчивости, внимательности и собранности. Назарй – это сравнение под руководством наставника образцов письма различных мастеров определенного почеркового стиля (скажем, насха), их анализ. Эта система показывала ученику, как эти мастера использовали в работе сочетание тех или иных букв или элементов последних. Это был утомительный, длительный и тяжелый труд, и лишь очень немногие становились в результате звездами первой величины на каллиграфическом небосклоне» [2, с. 12–13, 95].

Выполнить художественную резьбу в камне (на надмогильных памятниках и архитектурных деталях) каллиграфическим почерком было не легче, чем написать каламом художественное письмо на бумаге.

В процессе обучения учеников (подмастерьев) художественной отделке надмогильных памятников и архитектурных деталей их учили техническим приемам различных видов резьбы, умению пользоваться рабочими инструментами, а также составлять узорно-эпиграфические композиции на могильных плитах (в соответствии с их размерами) и сюжетные композиции различных форм на деталях архитектурного декора.

В средние века кубачинские мастера – оружейники, ювелиры, резчики по камню и дереву, торговцы – совершали дальние поездки в различные страны Востока – в Хорасан (Северо-Восточный Иран), Шам (Сирия), Миср (Египет), Рум (Византия, позднее, с сер. XV в. Турция), где они, как и многие дагестанцы, пополняли свои знания по богословию и отдельным отраслям тогдашней науки, полученные в дагестанских конфессиональных школах. Они совершенствовали свое мастерство в различных видах художественного ремесла, в том числе по арабской

художественной каллиграфии. Затем все это переносили на родную землю. Непосредственными связями кубачинских мастеров со странами Закавказья и Ближнего Востока в средние века можно объяснить наличие у жителей с. Кубачи родовых фамилий иноземного происхождения, таких, как Ганжахъалла, Шамхъалла, Мисриханхъалла, Туш[с]ехъалла, ХартГумхъалла. Корневые части в этих фамилиях являются названиями городов или стран, а суффикс «хъалла» обозначает принадлежность к конкретному роду или тухуму.

В XIV–XV вв. в декоративно-прикладном искусстве с. Кубачи наряду с растительным, ленточным, геометрическим и др. очень широко применялся эпиграфический орнамент [11, с. 348–360]. Использование в декоративных целях арабских надписей необычайно расширило художественно-выразительные средства в отделке надмогильных памятников, архитектурных сооружений и различных бытовых предметов. Как отмечает крупнейший исследователь искусства мусульманских стран Востока Б.В. Веймарн, «ни один алфавит мира не получил такого эстетического значения и столь богатой художественной разработки, как арабский, распространенный в средние века во всех странах «мусульманского» мира» [6, с. 25]. Далее он пишет, что «каллиграфия была не только искусством книги. Исполненные арабским шрифтом надписи покрывали стены монументальных построек, украшали разнообразные предметы быта. Иногда сама надпись представляла собой законченное художественное целое – своего рода фриз или панно. Не менее часто надпись входила в узор, состоящий из геометрических и растительных мотивов, сливаясь с ним в единую орнаментальную композицию, являясь неотъемлемой частью художественного образа» [6, с. 26].

Эпиграфический орнамент – декоративные арабские надписи на надгробиях – выполняли каллиграфы, достигшие высокого мастерства в своем искусстве – красоты и изящества письма. Они же являлись и превосходными орнаменталистами, умеющими составлять не только буквенный узор, но и сложные композиции, в которых гармонически сочетался растительный и эпиграфический орнамент в единое целое.

В средневековом сс. Кубачи, Ашты, Шири и др. были специалисты-каллиграфы, для которых переписывание книг восточных авторов или сочинений местных алимов, их художественное оформление, а также выполнение работ, связанных с эпиграфикой надмогильных памятников и деталей архитектурного декора, были основным занятием.

Как и в странах Ближнего и Среднего Востока, в средние века в с. Кубачи арабская каллиграфия становится одним из распространенных видов художественного творчества. Исследователи средневекового искусства Востока справедливо отмечают, что «высокоразвитая каллиграфия, которая была письмом не только религии, но и поэзии, философии, науки, расценивалась как искусство, занимая среди других его видов почетное место. Достигнув необычайной изощренности в применении различных усложненных почерков, каллиграфия превратилась в одну из форм орнамента, игравшего значительную роль в искусстве мусульманского средневековья» [9, с. 14].

Следует отметить, что образцы художественного письма, используемые для отделки надгробий, несколько отличаются от книжных образцов письма. В декоре надгробий использовались надписи, выполненные крупным почерком – поздний цветущий куфи, иногда с элементами насха. Буквы надписей памятников второй половины XIV–XV вв., как уже отмечали, мастерами отделаны растительным орнаментом. Сами надписи выполнены на фоне орнамента. То же характерно в целом и для надписей архитектурного декора второй половины XIV и XV вв. Для украшения надгробий мастерами каллиграфии был выработан стиль художественного письма, наиболее точно соответствующий размерам и формам надмогильных памятников и их художественной отделке.

Имен мастеров-резчиков по камню, каллиграфов и орнаменталистов нам мало известно. Это мастера архитектурно-декоративных работ Абу Бакр (первая половина XV в.), Рамазан, Чаъман (сер. XV в.) [11, с. 461, рис. 59; с. 467, рис. 75; с. 554, рис. 291], выдающийся резчик по камню, каллиграф и орнаменталист Джарак (сер. XV в.), занимавшийся изготовлением надмогильных памятников с высокохудожественной отделкой (рис. 6).

В средние века в с. Кубачи и соседних селениях Ашты, Шири и др. работали, как уже отмечалось, профессиональные переписчики рукописных книг, которые создавали произведения высокого каллиграфического искусства [14, с. 36–76]. Здесь в то время сложилась зирихгеранская школа переписчиков рукописных книг [14, с. 54]. Представителями этой школы являлись Абу Бакр, сын Мухадая аз-Зирихгерани (сер. XIV в.), Юсуф ал-Кубаши (сер. XV в.), Абдурахман аз-

Зирихгерани (кон. XV в.), Али, сын Мухаммада аз-Зирихгерани (нач. XVI в.), Айди, сын Мухаммада аз-Зирихгерани (нач. XVI в.) и др.

В трактовке арабского позднекуфического письма, используемого в декоративных целях для отделки надгробий, наблюдается значительное разнообразие. На зафиксированных нами надмогильных памятниках выявлено более 5 разновидностей почерка со своими художественными особенностями и начертаниями. Такое разнообразие придавали им как начертание самих букв, так и их орнаментальная отделка.

Сами надгробия не все правильной, вытянутой четырехугольной или трапециевидной формы. Боковые края ряда памятников не параллельны друг другу, а одна из боковых сторон (краев), левая или правая, косая (рис. 9). Мастера-камнерезы, вероятно, считали ненужным тратить лишнее время и труд, чтобы изготовить надгробие строго геометрически правильной формы. Форму плит, добытой в каменоломне, оставляли как есть, удалив излишние части, выравнив боковые грани и сгладив переднюю и обратную ее стороны. Переднюю лицевую сторону сглаживали более тщательно, у некоторых памятников она даже полирована.

При выравнивании формы ассиметричного памятника путем удаления его частей с правой или левой сторон он мог стать слишком узким и сравнительно небольшим по размеру, что считалось, вероятно, недопустимым. Для размещения декоративных арабских позднекуфических надписей и орнамента нужны были надгробия относительно больших размеров. Мастера-камнерезы умело приспособляли декор к особенностям формы надмогильных памятников и выполняли его, придерживаясь принципа двусторонней (левой и правой) симметрии.

Органическое соединение в одной композиции художественно трактованного арабского письма и растительного орнамента, а в архитектурном декоре (на оконных тимпанах вместе с подпиравшими их колонками (столбиками), образующими в целом проемы окон) еще и изобразительного сюжета было отражением эстетических представлений населения того времени, сходных во многих отношениях и по своей сути с такими же представлениями народов Востока, нашедшими свое воплощение в специальных «Трактатах» XVI–XVII вв., посвященных каллиграфии, художникам и их искусству. Авторы трактатов Султан-Али Мешхеда, Дуст-Мухаммад, Кази-Ахмад Мир-Мунши ал-Хусайни, Садик-бек Афшар, «различая каллиграфию, орнамент и изображения как особые виды творчества, вместе с тем постоянно указывают, что тот или иной крупный художник владел всеми тремя или хотя бы двумя из этих специальностей» [6, с. 19, 24].

Авторы трактатов являлись продолжателями эстетических воззрений более ранних передовых мыслителей средневекового Востока.

В основе декора кубачинских надмогильных памятников конца XIV и XV вв. лежит принцип гармоничного двуединства, при котором органично сочетаются каллиграфия и растительный орнамент, выполненные на высоком художественном уровне.

На памятниках XIV–XV вв. общая схема декора как бы канонизирована, хотя вариации мотивов орнамента – и растительного, и эпиграфического – в пределах этой схемы многообразны. Такой принцип декорирования обусловлен, с одной стороны, канонизированной формой самого надмогильного памятника в виде плоской плиты вытянутой четырехугольной или трапециевидной формы (иногда с закругленным или стрельчатым верхом), а с другой стороны, каноны ислама не допускали вольностей и отступлений от общепринятых, устоявшихся правил художественного оформления памятника. Мастер – художник мог варьировать, совершенствовать, трактовать по-новому и доводить до очень высокого художественного уровня существующие общепринятые орнаментальные схемы и каллиграфию могильных плит, но не допускалось ни существенно менять саму форму памятника, ни общую каноническую схему декора.

Вместе с тем мастера, направляя свои творческие усилия на совершенствование сложившихся узорно-эпиграфических композиций, на поиски их новой оригинальной интерпретации, на разнообразное варьирование и разработку новых элементов, значительно обогащали декор памятников, вносили в него немало нового, делали его намного богаче по форме и многообразней по решению орнаментальных композиций.

Изучение средневековых надмогильных памятников с. Кубачи позволяет считать, что в то время существовали определенные выработанные правила декоративной отделки этих памятников, основанные на принципе гармоничных пропорций: декор наносился, придерживаясь определенных соотношений между размером памятника, шириной эпиграфической полосы, размером букв декоративных надписей и растительного орнамента, а также с учетом соотношения центрального поля и узорно-эпиграфической полосы. Специалисты, занимающиеся изучением

восточных рукописных книг и арабской эпиграфики, полагают, что само искусство письма было связано с широким распространением прикладной математики на средневековом Востоке, ибо каллиграфы считали, что «письмо – геометрия души» [5, с. 171].

Художественно отделаны надгробия, которые поставлены как на могилы мужчин, так и женщин и детей (рис. 7). Памятники, поставленные на могилы женщин (рис. 7), по качеству художественной отделки не уступают мужским надгробиям.

Размеры памятников погребенных, особенно качество и богатство их декоративной отделки, служат в определенной степени показателем имущественного и социального их положения при жизни.

В отделке кубачинских надгробий XIV–XV вв. наблюдается эволюция их декора от сравнительно простого к сложному: на памятниках первой половины XIV в. представлены декоративные рельефные арабские позднекуфические надписи с отдельными элементами растительного орнамента. Надписи размещены по верхнему и боковым краям памятника в П-образную или с закругленным верхом эпиграфическую полосу (рис. 2). Центральное поле памятника подвергнуто фактурной обработке выбитыми специальным инструментом неглубокими точечными ямками (по-кубачински техника «бултIун»).

С конца XIV и в XV в. надгробия стали отделять более сложными узорно-эпиграфическими композициями. Причем их декор имеет множество вариантов. Рельефные арабские надписи, каллиграфически выполненные и отделанные с большим мастерством растительным орнаментом, становятся характерным декором надгробий (рис. 4–7). Надписи при этом даются на фоне рельефного растительного орнамента в виде вьюнка – волнистого побега стебля со спирально скрученными ответвлениями, несущими разных форм листочки, трилистники, пальметты, полупальметты и т.д. На памятниках середины XV в., когда средневековое искусство с. Кубачи достигло вершины своего развития, арабская и персидская художественная каллиграфия отличается высоким уровнем совершенства: буквы надписей выполнены с необычайно высоким художественным мастерством. В художественной трактовке арабских декоративных надписей прослеживается значительное разнообразие.

Среди надгробий конца XIV и XV вв. имеются и такие, которые превосходно отделаны только одним растительным орнаментом различных композиционных построений (рис. 8–9).

При всех имеющихся различиях в декоративной отделке надмогильных плит для них присущи и определенные общие черты – для большинства надгробий конца XIV–XV вв. в целом характерна следующая схема декоративного убранства. По боковым и верхнему краям памятника располагается довольно широкая (12–14 см) узорно-эпиграфическая полоса в виде рельефной позднекуфической арабской, редко персидской, надписи, выполненной крупными, орнаментальными буквами, данной на фоне рельефного растительного орнамента (рис. 4–7). Эпиграфическая полоса (бордюр) имеет закругленный верх или П-образную форму.

На центральном поле памятников размещены крупные рельефные элементы растительного орнамента – полупальметты, полутрилистники и другие, отделанные мелким плоскорельефным растительным орнаментом. В верхней части центрального поля надгробия располагается круглый рельефный медальон с заостренным верхом. В медальон заключена рельефная, с большим мастерством художественно отделанная арабская надпись «Аллах», которая имеет различные варианты как в выполнении самого слова, так и в декоративной отделке ее букв (рис. 4–7). На многих надгробиях медальоны заполнены рельефной арабской надписью с именем погребенного (рис. 5–7). Встречаются и такие, которые заполнены только рельефным орнаментом (рис. 9–10).

На надгробиях с закругленным верхом узорно-эпиграфической полосы, в их верхних боковых углах помещены крупные полупальметты или полутрилистники, покрытые, как правило, мелким растительным орнаментом. Встречаются и другие варианты декоративной отделки надмогильных памятников.

Все памятники XIV–XV вв. украшены только с лицевой (передней) стороны. На более поздних, относящихся к XVI–XVII вв., на их обратной стороне иногда встречаются большие круглые медальоны с заключенными в них рельефными арабскими надписями круговой схемы композиций или же только с растительным орнаментом (рис. 11), называемым у кубачинцев «ХIяшур» [8, с.110–111, рис. 35–37].

Выше мы отмечали, что центральное поле памятников подвергнуто фактурной обработке неглубокими точечными ямками, выбитыми специальным рабочим инструментом. Этот своеобразный, можно сказать, декоративный приём обработки фона изображений декоративной надписи или орнамента пунсоном, применявшийся в средние века в художественной обработке

металла, проник и в камнерезное искусство. На металлических изделиях Востока техника пунсонной обработки фона известна с эпохи раннего средневековья, а в эпоху развитого средневековья (XIII–XV вв.) получает широкое распространение [7, с. 92, табл. 14; с. 94, табл. 16; с. 136, табл. 45, №№1–3].

Рельефные декоративные арабские надписи эпиграфических бордюрных полос надгробий в большинстве представляют собой формулы единобожия – шахада: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха» («Ла илагъа илла – ллагъ Мухаммад расулаллагъ»). Встречаются и такие изречения: «Справедливость принадлежит Аллаху»; «Царство принадлежит Аллаху. Смерть – истина, жизнь – обман»; «Смерть – чаша, каждый пьет из нее. Могила – ворота, каждый входит в нее» (переводы востоковеда-арабиста проф. А.Р. Шихсаидова).

Исследуя средневековые памятники с. Кумух, Л.И. Лавров писал, что «изречение «Могила – дверь, и все люди входят в нее» восходит к арабскому поэту Абу-л-’Атахии (род. в 748 г., ум. в 825–828 г.), у которого, правда, вместо слова «могила» стоит «смерть» [15, с. 208]. Далее он приводил ряд сведений о подобных изречениях, встречаемых на памятниках Кумуха и различных стран и областей – Ирана, Татарстана, Молдавии и т.д. [15, с. 208]. «Надпись из Кумуха показывает, – продолжает Л.И. Лавров, – что поэзия Абу-л-’Атахии проникла и в Дагестан. Причем в Дагестане это не единственный случай присутствия в эпитафии указанного изречения. Оно (со словом «могила» вместо «смерть») встречается на трех других памятниках в Кумухе, датированных 2-й половиной XVI в. и первой четвертью XVII в. (надписи 388, 398, 420), и на одном в Рича, относящемся ко 2-й половине XVI в. (надпись 382)» [15, с. 208].

Кроме перечисленных Л.И. Лавровым памятников ныне известны и другие с указанными изречениями: надмогильный памятник 783 г. хиджры / 1381–82 гг. из с. Калакорейш (рис. 10) Дахадаевского района, памятник XIV в. из с. Цахур Рутульского района, надгробие 1028 г. хиджры / 1619 г. из с. Кумух Лакского района, еще надгробие 950 г. хиджры / 1544 г. из того же Кумуха [12, с. 77, 208–209, 300, 313] и др.

Приведенные выше изречения на надгробиях из с. Кубачи и Калакорейш «Смерть – чаша, каждый пьет из нее. Могила – ворота, каждый входит в нее» служат еще одним подтверждением мнения Л.И. Лаврова о том, что «поэзия Абу-л-’Атахии проникла и в Дагестан». Вместе с тем они показывают, что эти изречения были распространенными эпитафиями на мусульманских надгробиях в широком ареале, бытовали длительное время и ставли как бы афоризмами.

На надгробиях и на отдельных деталях архитектурного декора встречаются и такие декоративно оформленные коранически изречения: «Нет божества, кроме Аллаха, живого, сущего: не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле» (Коран, II. 256). Это часть престольного стиха Корана [10, с. 256]. Эти же изречения представлены на памятниках ряда других дагестанских селений: на надмогильном памятнике XII в. из с. Татиль Табасаранского района [12, с. 36–39], в штуковой резьбе XII–XIII вв. михраба соборной мечети первоначальной столицы Кайтагского уцмийства с. Калакорейш [12, с. 140–143].

Имена погребенных на кубачинских надмогильных плитах XIV–XV вв. в большинстве домусульманские и трудно читаются ввиду того, что в их написании во многих случаях не отмечены огласовки (диакритические знаки), обозначающие гласные звуки. На более поздних (XVI–XVII вв.) представлены уже мусульманские имена. Подобные трудночитаемые домусульманские имена погребенных на средневековых надмогильных памятниках встречаются по всему Дагестану [12, с. 34, 59, 79, 85–87, 349].

На надгробиях из с. Кубачи и соседних селений представлены следующие имена погребенных, выполненные графически почерком насх с элементами куфи:

1. Ч. р. к., сын КІ. з. м.
2. Фахруддин (?), сын С. р. дж.
3. А. х. в., сын Айди
4. Бамиззу (?), дочь Йикиз (Йиқиз).
5. Хади, дочь Э. д. ш. о.
6. А. х. с. д.
7. Ахмед.
8. Л. хад, сын Чални (Чалзи ?).
9. Хахачар (Дахачар ?).
10. К. з. н. н, сын Ахсада.
11. Шахим, дочь Ш. б. на (Шабана ?).
12. Та [жу]дин.

13. К. х. т., сын А. з. к. и.
14. К. б. д. ча, сын С. д. ч. з.
15. Чабчаг (Чабчагъ), сын ВакИида.
16. Л. м. си (Л. м. сай ?), сын Р. кІ. д.
17. Алб..., сын Мамсада.
18. Къаба, сын Чафа...
19. Йоваз (Йовн ?), сын Хамида (?).
20. К. д. р., сын Б. х. д.
21. Чаар, сын ...К. р.
22. Б. х. х. д., сын За. ал. фи (За-ал-фай).
23. Чар...
24. С. н. т. (или С. ш. р), сын Къандуча.
25. ВăкИиз (ФăкИиз), сын Ахича.
26. Фала'з.р, сын Валана (или Валаза).
27. Мухаммад, сын А. к.и. (?), сына Чалдир.
28. К. х. ф. в., сын Ф. д. р. си.
29. Б. на, сын Викачи.
30. Къ. л. кІ. нзи, дочь А. м. н.
31. Ма. р. н., сын А. ч. . .
32. Шабан, сын Хайдара.
33. За. ни. з, дочь В. р. д.
34. Асийа, дочь Шалнаба (вариант Шалназа).
35. Насир (Нашир ?), дочь Тарбаш (надгробие из ДацІамажила).
36. Хасан, сын Ат. к. н. . . (надгробие из сел. Калакорейш 783 г. хиджры / 1381–82 гг.).
37. Али, сын Ахмада (надгробие из сел. Ашты 877 г. хиджры / 1472–73 гг.).

Среди зафиксированных нами более ста надмогильных памятников на семи представлены женские имена: Бамиззу, Хади (Хадижа ?), Шахим, Къ. л. кІ. нзи, За. ни.з, Асийа, Насир (Нашир). На многих надгробиях имена погребенных отсутствуют, особенно на памятниках, отделанных только растительным орнаментом. Среди имен, перечисленных выше, есть мусульманские имена (мужские и женские – сыновей и дочерей и их родителей): Фахруддин (?), Айди, Ахмед, Та[жу]дин, Хамид (?), Мухаммад, Шабан, Хайдар, Хасан (надгробие из Калакорейша), Али (надгробие из с. Ашты); женские имена: Хади [жа], Йикиз, Асийа.

На отдельных памятниках встречены и такие имена: сын носит мусульманское имя, а отец – домусульманское: Фахруддин, сын С. р. дж.; Мухаммад, сын А. к. и (?), сына Чалдир. Любопытно, одно женское имя дано, по-видимому, дочери не отца, а по матери – Бамиззу, дочь Йикиз (имя тюркского происхождения?).

На надгробиях женских могил отсутствуют точные даты их изготовления. Датировка их определяется на основе сопоставления или сравнения их декора с декором других датированных надгробий, а также палеографического анализа надписей и особенностей орнаментальных композиций.

Из семи женских надгробий два отделаны только растительным орнаментом. Женские надгробия по отношению к мужским, на первый взгляд, малочисленны. Это объясняется тем, что среди надгробий, на которых не высечены имена погребенных (или же имена выветрились или отслоились), несомненно, преобладают женские надгробия.

На надмогильных памятниках XIV–XV вв. из с. Кубачи представлены некоторые домусульманские имена, которые можно прочесть полностью:

1. Хозяин этой могилы А. х. с. д (Ахсад ?), сын **Матача** (надгробие № 11).
2. Хозяин этой могилы К. з. н. н., сын **Ахсада** (надгробие № 23).
3. Хозяин этой могилы Алб. . . , сын **Ламсада** (надгробие № 48).
4. Хозяин этой могилы Къаба, сын **Чафа** (надгробие № 49).
5. Хозяин этой могилы Вар. к. з, сын **Ахича** (надгробие № 59)
6. Хозяин этой могилы Фала'з. р, сын **Валана** (надгробие № 67)

На одном надмогильном памятнике (№ 34) (рис. 6), находящемся на западном конце кладбища «Бидахъ хуппе», высечено имя мастера-камнереза Джарак. Памятник этот отделан роскошно, на высоком художественном уровне декоративными арабскими надписями и растительным орнаментом. Изготовивший его мастер был, надо полагать, не только опытным профессиональным резчиком по камню самой высокой квалификации, но и каллиграфом,

орнаменталистом, хорошо владел арабским языком. Вероятно, им же выполнена резьба другого надмогильного памятника [11, с. 500, рис. 153, а-б], датируемого 842 г. хиджры / 1438 г. Об этом свидетельствует общность стиля арабских надписей и орнаментальной резьбы обоих памятников.

В заключение отметим, что изучение особенностей декоративной отделки надмогильных памятников XIV–XV вв. из с. Кубачи показывает, что искусство резьбы по камню в то время в этом населенном пункте достигло необычайно высокого уровня развития. Художественная арабская, отчасти и персидская каллиграфия и тесно связанный с ней растительный орнамент были доведены тогда до высокой степени совершенства. Отделанные с большим художественным мастерством средневековые надмогильные памятники с. Кубачи и соседних с ним селений Калакорейш, ДацІамаже (ДацІамажила), Ашты и т.д. являются ценными высокохудожественными произведениями камнерезного искусства, позволяющими осветить многие важные вопросы средневековой истории и художественной культуры с. Кубачи и Дагестана в целом. По технике резьбы, растительному орнаменту и декоративным арабским надписям надгробия XIV–XV вв. тесно связаны с деталями архитектурного декора. Но, в отличие от архитектурных деталей, ни на одном надмогильном памятнике не встречается изобразительный сюжет.

Развитие камнерезного искусства и других отраслей художественного ремесла служит одним из ярких показателей высокого для своего времени уровня социально-экономического развития зирихгерано-кубачинского общества в XIV–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар. (Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могущего). Издание текста, пер. предисл. и примеч. З.М. Буниятова. М.: Наука, 1971. – 162 с.
2. *Акимушкин О.Ф.* Средневековый Иран: культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. – 404 с.
3. *Алиханов Р.А.* Кубачинский орнамент. М.: Госиздат литературы по бытовому обслуживанию населения, 1963. – 13 с., 40 табл. илл.
4. *Ашурбейли С.Б.* Абд ар-Рашид Бакуви – азербайджанский ученый-географ XIV – начала XV вв. // Известия АН АзССР. Серия обществ. наук, 1958. № 5. С. 33–40.
5. *Булатов М.С., Доменская В.Г.* Пропорции рукописных книг Среднего Востока XV–XVI вв. // Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда). Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1972. – 334 с.
6. *Веймарн Б.В.* Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М.: Искусство, 1974. – 188 с.
7. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. – 200 с.
8. *Изабакаров Г.Б.* Основы кубачинского искусства. Издание 2-е, дополненное. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 128 с.
9. *Кантерева Т.П., Виноградова Н.А.* Искусство средневекового Востока. М.: Детская литература, 1989. – 239 с.
10. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 714 с.
11. *Маммаев М.М.* Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Изд-во «Эпоха», 2014. – 592 с.
12. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 464 с.
13. *Шихсаидов А.Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2008. С. 329–343.
14. *Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2001. – 256 с.
15. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Текст, перев., коммент., введ. и примеч. Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. – 300 с.

REFERENCES

1. *Abd ar-Rashid al-Bakuvi*. Kitab Talhis al-asar va adzha'ib al-malik al-kahhar. (Sokraschenie [knigi o] «Pamyatnikah» i chudesa tsarya mogushego). Izdanie teksta, per. predisl. i primech. Z.M. Buniyatova. M.: Nauka, 1971. – 162 s.
  2. *Akimushkin O.F.* Srednevekoviyy Iran: kultura, istoriya, filologiya. SPb.: Nauka, 2004. – 404 s.
  3. *Alihanov R.A.* Kubachinskiy ornament. M.: Gosizdat literaturyi po byitovomu obsluzhivaniyu naseleniya, 1963. – 13 s., 40 tabl. ill.
  4. *Ashurbeyli S.B.* Abd ar-Rashid Bakuvi – azerbaydzhanskiy ucheniy – geograf XIV – nachala XV vv. // Izvestiya AN AzSSR. Seriya obschestv. nauk, 1958. # 5. S. 33–40.
  5. *Bulatov M.S., Domenskaya V.G.* Proportsii rukopisnykh knig Srednego Vostoka XV–XVI vv. // Iz istorii iskusstva velikogo goroda (k 2500-letiyu Samarkanda). Tashkent: Izd-vo literaturyi i iskusstva im. Gafura Gulyama, 1972. – 334 s.
  6. *Veymarn B.V.* Iskusstvo arabskikh stran i Irana VII–XVII vekov. M.: Iskusstvo, 1974. – 188 s.
  7. *Darkevich V.P.* Hudozhestvennyy metall Vostoka. VIII–XIII vv. M.: Nauka, 1976. – 200 s.
  8. *Izabakarov G.B.* Osnovyi kubachinskogo iskusstva. Izdanie 2-e, dopolnennoe. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1992. – 128 s.
  9. *Kaptereva T.P., Vinogradova N.A.* Iskusstvo srednevekovogo Vostoka. M.: Detskaya literatura, 1989. – 239 s.
  10. Koran. Perevod i kommentarii I. Yu. Krachkovskogo. M.: Izd-vo vostochnoy literaturyi, 1963. – 714 s.
  11. *Mammaev M.M.* Iskusstvo Zirihgerana-Kubachi XIII–XV vv. i ego mesto v sisteme hudozhestvennykh kultur Vostoka i Zapada. Mahachkala: Izd-vo «Epoha», 2014. – 592 s.
  12. *Shihsaidov A.R.* Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik. M.: Nauka, 1984. – 464 s.
  13. *Shihsaidov A.R.* Zakariya al-Kazvini o Dagestane // Shihsaidov A.R. Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arheografii srednevekovogo Dagestana. Mahachkala: Dagknigoizdat, 2008. S. 329–343.
  14. *Shihsaidov A.R., Tagirova N.A., Gadzhieva D.H.* Arabskaya rukopisnaya kniga v Dagestane. Mahachkala: Dagknigoizdat, 2001. – 256 s.
- Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast 1. Nadpisi X–XVII vv. Tekst, perev., komment., vved. i primech. L.I. Lavrova. M.: Nauka, 1966. – 300 s